

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ: ПЕРСПЕКТИВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

А. С. Полищук

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,
г. Харьков, Украина

POLITICAL ENTREPRENEURS: POLITICAL ANTHROPOLOGY AND HISTORICAL SOCIOLOGY PERSPECTIVE

A. Polischuk

V. N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine

Summary. The role of political entrepreneurs in state formation is discussed from the perspective of political anthropology and historical sociology. The function of chieftaincies, predatory elites and oligarchs in modern political process are examined.

Keywords: political entrepreneurs; state-building; chieftaincy; state capture; oligarch.

Объектом исследования политической антропологии и исторической социологии часто выступают традиционные и неотрадиционные полититии. Их политической «точкой сборки» является не деперсонализированная бюрократическая машина управления (современное государство), а динамические конфигурации персонализированных властных отношений. Отсюда первоочередное значение приобретает фигура политического предпринимателя – агграндайзера (aggrandizer [3]) – человека, создающего и использующего различные общественные связи и практики для накопления личной власти, престижа и повышения своего социального статуса. Агграндайзеры определяются своей способностью поддерживать дифференцированный доступ к ресурсам и инвестировать накапливаемые ресурсы в наращивание своих политических мощностей. Они сознательно создают и поддерживают политическое неравенство и в этом смысле являются ключевыми двигателями политической эволюции.

Агграндайзеры являются ключевыми политическими игроками не только в период раннего политогенеза, но и в период позднего государственного строительства. Главным вопросом этой статьи является следующий: какова роль и судьба агграндайзеров в процессе создания современных государств, в каком формате они взаимодействуют и соперничают с государством и каковы политические эффекты от захвата или разрушения государства агграндайзерами? Эта проблематика в том или ином виде является предметом множества теорий *state-building*, которые часто являются местом соприкосновения и пересечения политической антропологии и исторической социологии. Задачей данной статьи является рассмотрение процесса подавления власти агграндайзеров в процессе создания абсолютистских и национальных государств (на примере концепций П. Бурдые [7] и Н. Элиаса [11]), рассмотрение вождеской сети (chieftaincy) как ключевого конкурента современных государств (на примере концепции Г. Дерлутьяна и Т. Ерла [1]), анализ способа захвата государства (на примере концепции В. Ганева [2]) и использования государства (на примере концепции Дж. Винтерса [5]) агграндайзерами.

Если рассматривать государство как бюрократическую машину, обладающую монополией на легитимное насилие и налогообложение, то нужно констатировать, что исторически национальные государства постоянно сталкивались:

1) с внутренними конкурентами, т. е. персонализированными политическими сетями, которые оспаривали монополии государства (феодалы, бароны, религиозные ордена, пираты, мафии, олигархические кланы, повстанческие движения и т. п.) [1],

2) с внешними соперниками, т. е. альтернативными политическими проектами (города-государства, лиги городов, империи, международные организации и т. п.) [4].

Один из ключевых тезисов концепций *state-building* состоит в том, что создание абсолютистских и национальных государств связано со следующими явлениями:

1) монополизация суверенитета в руках правящей династии и / или бюрократического аппарата и ослабление альтернативных центров власти (в первую очередь крупных феодалов и городов);

2) победа в борьбе с другими политическими проектами (в первую очередь городами-государствами и лигами городов) в плане наиболее эффективного управления ресурсами (в первую очередь экономическими и силовыми) в меняющихся исторических условиях.

Борьба с автономными центрами власти в создании национальных государств: концепции П. Бурдьё и Н. Элиаса. Создание абсолютистских и национальных государств предполагало подавление власти агграндайзеров как автономных политических центров посредством их интеграции в рамках королевского двора и сети вассальных отношений, а также посредством создания бюрократии как института, противодействующего агграндайзерам, которые имеют автономные от государственного центра источники воспроизводства власти (аристократическое происхождение, собственные силовые ресурсы и собственность). Так, по мнению П. Бурдьё, само появление бюрократии было результатом борьбы королевской династии с внутренними центрами власти в лице династических соперников. Как отмечает П. Бурдьё, изначально государство представляет собой «королевский дом», управляемый согласно домашнему способу воспроизводства: накопление капиталов было организовано по логике домашнего хозяйства; легитимность власти определялась кровными связями; «точкой сборки» государства первоначально была личность короля (король накапливает экономическую и символическую власть и по личному усмотрению распределяет их среди своих приверженцев), на смену которой пришла сама идея короны как независимой от личности короля инстанции.

Ключевым фактором, по мнению П. Бурдьё, является то, что власть династии короля постоянно оспаривается династическими соперниками («братьями короля»). Именно для борьбы с этими династическими соперниками короли используют другую форму власти – бюрократию («министры короля»), основывающуюся, с одной стороны, на компетенции (бюрократы рекрутируются не на основании кровных связей, а на основании профессиональной подготовки, которая стала возможной во многом благодаря развитию системы школьного образования) и, с другой стороны, на полной личной верности государству (бюрократы в отличие от феодалов не имеют автономного источника воспроизводства своей власти; своей властью они обязаны исключительно государству и находятся под постоянной угрозой эту власть потерять). Бюрократия в этом контексте представляет для короля удобный инструмент для сдерживания династических соперников [7].

Н. Элиас в своей концепции возникновения государств также отводит ключевую роль автономным центрам власти, которые представляют угрозу центральной власти короля. Однако здесь речь идет уже не столько о бюрократической защите от феодалов, сколько об интеграции равносильных и равнозначных центров силовой и экономической власти (рыцарей-землевладельцев раннефеодального периода) в рамках системы отношений вассалитета и института придворной службы в эпоху позднего феодализма.

Н. Элиас отмечает, что раннефеодальный политический конгломерат состоял из короля – победоносного военного вождя – и феодалов – землевладельцев, получивших свои земельные владения (лен) за службу королю. Для него характерна тенденция к децентрализации (феодализации): в ситуации отсутствия военной угрозы феодалы, в руках которых находятся основные властные ресурсы (земля и армия), всё больше демонстрируют свою автономию от королевской власти; политическая автономия феодалов обуславливалась экономической автономией феодального хозяйства (преобладание натурального хозяйства, слабое разделение труда, слабое развитие обмена).

Тенденция к децентрализации (феодализации) была преодолена благодаря двум общественным процессам:

1) дальнейшая экономическая интеграция, которая в первую очередь проявилась в росте рыночного обмена и денежного обращения, а также в появлении ремесленных поселений (протогородов); крупные феодалы с успехом используют рынки и города для накопления богатства и содержания дворов;

2) рост населения и вытекающий из него дефицит земли; крупные феодалы благодаря так называемому «механизму монополизации» с успехом накапливают новые владения (через захват, покупку и заключение браков).

Таким образом, на смену конгломерату равносильных и стремящихся к автономии феодалов приходит ситуация доминирования крупных феодалов над мелкими землевладельцами, которая оформилась в виде отношений «сюзерен – вассал»; власть крупных феодалов не подрывается тенденцией к феодализации, т. к. они накапливают значительные богатства для содержания частных армий и бюрократий, а распределение земли за службу уже теряет свое структурообразующее значение. Эта ситуация означала снижение военной и экономической автономии мелких феодалов и монополизацию силовых и фискальных ресурсов в руках крупных феодалов. Королем теперь является не столько успешный военный предводитель, сколько тот, кто смог подчинить своей власти всех других феодалов через накопление богатства, содержание крупных дворов, эффективное создание и поддержание вассальных отношений. Основой возникающих государств становится монополия на насилие и сбор налогов, которые взаимно усиливают друг друга [11].

Вождеские сети как конкуренты и альтернативы государству: концепция Т. Ерла и Г. Дерлугьяна. Концепция Т. Ерла и Г. Дерлугьяна предлагает универсальное обозначение для различных исторически и географически специфических агграндайзеров, а именно термин «вождество», или более точно – «вождеская сеть» (chieftaincy). Задачей этой универсализации является выявление общих для всех агграндайзеров атрибутов и характеристик. В отличие от деперсонализированной «машины по производству социальной власти» и общественного блага – современного бюрократического государства, – вождества представляют собой высокоперсонализированные сети, являющиеся центрами недифференцированной власти. Вождества, в терминах Т. Ерла и Г. Дерлугьяна, основаны на «элементарной власти», т. е. на захвате наиболее выгодных позиций для мобилизации экономических ресурсов для последующего прагматического инвестирования этих ресурсов в наращивание экономических, военных и идеологических мощностей вождества. Сам термин «элементарная власть» подчеркивает слабую институционализацию вождеских сетей, а значит, их высокую динамичность и адаптивность: вождества способны относительно быстро трансформироваться в ответ на меняющиеся условия и появляющиеся возможности накопления и укрепления власти [1].

Первоначально вождества представляли собой отдельные политики средней степени сложности, возникавшие задолго до формирования первых государств и основывающиеся среди прочего на иерархии между общинами (надлокальной централизации), извлечении и перераспределении излишков (через интенсификацию производства и / или обменов) и персонализированной власти верховного вождя и его фракции, скрепленной родственными или псевдородственными отношениями [9]. Вождества могли объединяться в конфедерации и создавать институциональную структуру, однако они оставались нестабильными и недолговечными, часто разрушаясь после смерти удачливого вождя.

Ключевая идея Т. Ерла и Г. Дерлугьяна состоит в том, что вождества не являются чисто архаической политической формой, но в той или иной форме (мафии, олигархические кланы, частные армии варлордов, террористические организации и т. п.) продолжают существовать в рамках современных государств, сотрудничать и соперничать с ними. В этих условиях вождества сохраняются и развиваются в «промежуточных пространствах» государства, т. е. устанавливают контроль над потоками ресурсов, которые государство не может или не хочет контролировать, в первую очередь в теневом секторе экономики, в сфере нелегитимного насилия

и т. п. Основная задача государств состоит в сдерживании и инкорпорировании вождеств, которые по существу оспаривают главные государственные монополии (монополию на легитимное насилие и ресурсоизвлечение), и использовании вождеств для «аутсорсинга» политического контроля в тех областях, где создание и поддержание государственного бюрократического аппарата является дорогостоящим или политически невыгодным предприятием. Разрушение государств – как в древности, так и в современных неудавшихся и захваченных государствах – влечет за собой высвобождение элементарной власти вождеств, т. е. появление множества амбициозных накопителей власти, которые приватизируют государственные ресурсы и функции [1].

Агграндайзеры в процессе использования государств: хищнические элиты В. Ганева и олигархи Дж. Винтерса. В. Ганев в своей концепции реверсивной тиллианской перспективы на материале постсоветских государств как раз предлагает модель захвата государства агграндайзерами («хищническими элитами»).

В концепции возникновения европейских государств в период позднего Средневековья и раннего модерна Ч. Тилли государство было результатом проекта политической элиты по извлечению ресурсов для ведения войны. Для осуществления этого извлечения политические элиты были вынуждены в той или иной форме вступать в отношения с держателями необходимых для финансирования войн ресурсов (крестьянами и капиталистами) и развивать административные (квазиадминистративные) службы, осуществляющие ресурсоизвлечение. Фундаментальное значение в концепции Ч. Тилли имеет тот факт, что по существу хищническая политика государства по извлечению ресурсов для ведения войн постоянно наталкивалась на сопротивление держателей ресурсов. Именно наличие этого сопротивления требовало установления того или иного формата договоренностей между политическими элитами и держателями ресурсов и расширения функций тех административных (квазиадминистративных) служб, которые первоначально создавались для целей ресурсоизвлечения: именно сопротивление и укрощение элитного проекта превращает эти службы из инструментов извлечения в инструменты управления, которые используются в интересах всего народа [10].

По мнению В. Ганева, в посткоммунистических государствах сложились условия для возникновения нового хищнического проекта политических элит: в отличие от современного проекта извлечения для государства, этот проект состоит в извлечении из государства. Действительно, в условиях дезинтеграции государственной экономики посткоммунистические элиты охотятся за богатством, накопленным в области государства. Ключевое значение здесь имеет тот факт, что эта стратегия элит препятствует установлению сильных государственных структур, т. к. элиты в процессе извлечения не сталкиваются с сопротивлением держателей ресурсов: ресурсы добываются элитами не столько в непосредственном столкновении с гражданами, сколько в особых областях («бюрократических пространствах»), которые исключают присутствие и участие (сопротивление) граждан. Элиты, способные манипулировать потоками ресурсов внутри институционального здания государства, не стремятся усиливать институты; наоборот, для успеха их проекта выгодным оказывается ослабление институтов изнутри. Элитный проект извлечения из государства связан не столько с долгосрочным извлечением (широкомасштабное принуждение, для которого требуется создание и поддержание стабильных государственных институтов), сколько с краткосрочными интересами («безболезненные» операции *ad hoc* по извлечению и перераспределению между несколькими ключевыми бенефициарами богатства, производимого структурами власти-собственности; нерегулярные попытки пополнить доступные им ресурсные потоки в виде новых налогов, международной финансовой помощи и т. п.). Как емко выразился В. Ганев, по сравнению с процессом европейского *state-building* в эпоху раннего модерна, посткоммунистический элитный проект извлечения из государства, состоящий из нерегулярных акций по извлечению и перераспределению доступных для государства ресурсных потоков и не встречающий массового сопротивления держателей ресурсов, не оставляет после себя «организационного осадка». Результатом извлечения у государства, как отмечает В. Ганев,

становится привилегие-центрированная политика, характеризующаяся низким уровнем государственности: предприниматели приобретают привилегии, а не права, а государственная интервенция в экономику определяется не защитой и применением прав, а защитой и применением привилегий [2].

В исследовании политической антропологии посткоммунистических государств принципиальное значение имеет концептуализация такого типа политических предпринимателей, как олигархи. Именно в олигархиях наиболее рельефно проявляется одно из ключевых свойств, характерное для различных типов агграндайзеров: наряду со средствами доступа и контроля над ресурсами агграндайзер должен обладать средствами силовой защиты этого доступа и контроля. Именно в этой перспективе разрабатывает свою концепцию олигархии Дж. Винтерс.

Дж. Винтерс определяет олигархов как политических акторов, управляющих и контролирующих крупные концентрации материальных ресурсов, которые могут быть использованы для защиты или увеличения своего богатства и сохранения эксклюзивного социального положения. Материальная база власти олигархов, оформленная в виде притязаний или прав собственности на ресурсы, по определению подвергается оспариванию и угрозам конфискации или перераспределения. Неравное распределение богатства – концентрация значительных объемов материальных ресурсов в руках незначительного меньшинства – невозможно без принуждения и соответствующих издержек на принуждение (*enforcement costs*). Именно природа угроз состояниям и доходам олигархов, а также способы, которые олигархи используют для защиты своего богатства от этих угроз, и определяют политическую динамику и многообразие форм олигархий. Как указывает Дж. Винтерс, защита олигархами своего богатства включает два основных компонента:

- 1) защита собственности (противодействие конфискации; защита притязаний на богатство и собственность);
- 2) защита доходов (противодействие перераспределению; удержание как можно более высоких показателей прибыли с богатства и собственности в условиях уже защищенных прав собственности).

Ключевым рубежом в истории олигархий Дж. Винтерс считает возникновение национального государства как политической институции, имеющей монополию на применение легитимного насилия и осуществляющей защиту прав собственности. До появления национальных государств главной заботой олигархов была именно защита собственности, которая превращала олигархов в агентов принуждения (в виде собственного вооружения или найма профессионалов по защите) и заставляла их брать на себя функции политического управления: как емко отмечает Дж. Винтерс, олигархи становятся более «видимыми» в условиях слабозащищенных прав собственности. Это управление могло быть коллективным или фрагментированным, что отражалось в истории в виде создания или распада империй [5]. Примечательно, что эта ситуация характерна не только для домодерной истории, но и для современных слабых государств: так, например, в ряде постсоветских стран в условиях ослабления монополии государства на насилие и неэффективной защиты прав собственности, олигархи – используя термин Дж. Арриги [6] – «интериоризировали» издержки по защите богатства и выступали как самостоятельные экономические и силовые центры. Одной из наиболее авторитетных концептуализаций этой исторической ситуации является концепция «силового предпринимательства» В. Волкова [8]. С возникновением национального государства олигархи – используя термин Дж. Арриги – «экстернализируют» издержки по защите собственности, и их главной задачей становится защита доходов (в первую очередь от перераспределительных интенций государства в виде обложения доходов и собственности налогами) [5].

В заключение отметим, что некоторые из важнейших понятий современного политического дискурса – такие как демократия, республика, бюрократия, город, партия, национальный рынок, международная анархия и др. – по сути, отсылают к главным тенденциям и узловым событиям именно западной политической истории. Для адекватного описания незападного – в том числе постсоветского – политического процесса важно привлекать альтернативные дискурсы. В этом смысле

методология и концептуальные наработки политической антропологии и исторической социологии имеют ряд преимуществ. Понятие политического предпринимателя (агграндайзера) и концепция их динамического взаимодействия с государством может использоваться в исследовании постсоветского государственного строительства и неотрадиционных институтов, образованных на пересечении политики и экономики.

Библиографический список

1. Derluigian G. Strong chieftaincies out of weak states, or elemental power unbound // *Troubled Regions and Failing States: The Clustering and Contagion of Armed Conflicts* / ed. by K. Harpviken. – Emerald, 2010. – С. 51–76.
2. Ganey V. Postcommunism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies* – 2005. – Vol. 38. – № 4. – P. 425–445.
3. Hayden B. Pathways to power : principles for creating socioeconomic inequalities // *Foundations of Social Inequality* / ed. by T. Price and G. Feinman. – New York : Plenum Press, 1995. – P. 15–85.
4. Spruyt H. The sovereign state and its competitors. – Princeton University Press, 1994. – 302 p.
5. Winters J. Oligarchy. – Cambridge University Press, 2011. – 323 p.
6. Арриг и Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. – М. : Территория будущего, 2006. – 472 с.
7. Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // *Социология социального пространства*. – М. : Институт экспериментальной социологии. – СПб. : Алетейя, 2007. – С. 97–120.
8. Волков В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – 352 с.
9. Крадин Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / под ред. В. Попова. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – С. 11–61.
10. Тилл и Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.
11. Элиа с Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М.; СПб. : Университетская книга, 2001. – 332 с.

© Полищук А. С.